

Дик Фрэнсис

СТАВКА
НА ПРОИГРЫШ

Иностранная литература. Классика детектива

Дик Фрэнсис

Ставка на проигрыш

«Азбука-Аттикус»

1968

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Фрэнсис Д.

Ставка на проигрыш / Д. Фрэнсис — «Азбука-Аттикус»,
1968 — (Иностранная литература. Классика детектива)

ISBN 978-5-389-21816-1

Дик Фрэнсис (1920-2010) — один из самых именитых английских авторов, писавших в жанре детектива. За свою жизнь он создал более 30 бестселлеров, получивших международное признание. Его романы посвящены преимущественно миру скачек — Фрэнсис знал его не понаслышке, ведь он родился в семье жокея и сам был знаменитым жокеем. Этот мир полон азарта, здесь кипят нешуточные страсти вокруг великолепных лошадей и крупных ставок в тотализаторах, здесь есть чем поживиться мошенникам. Журналист Джеймс Тайрон, собирая материал для безобидной статьи о претендентах скачки на Золотой кубок, наталкивается на взрывоопасную информацию о мошеннической системе не стартующих фаворитов. Расследование этого дела смертельно опасно, но газета "Санди Блейз" требует от своих сотрудников сенсационных разоблачений...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21816-1

© Фрэнсис Д., 1968
© Азбука-Аттикус, 1968

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Дик Фрэнсис

Ставка на проигрыш

Dick Francis

FORFEIT

Copyright © 1968 by Dick Francis

This edition is published by arrangement Johnson & Alcock Ltd. and The Van Lear Agency

All rights reserved

Перевод с английского Наталии Рейн

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Н. В. Рейн (наследник), перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

* * *

Глава 1

Письмо из «Тэлли» пришло в тот день, когда погиб Берт Чехов. Самое обычное письмо-предложение из иллюстрированного журнала – написать статью о скачках на Золотой кубок. Я перебрал конверт через стол редактору спортивного отдела и продолжал разбор почты, которая всегда накапливалась к моим приходам по пятницам. Люк Джон пробурчал нечто нечленораздельное и вяло протянул руку к конверту, рассеянно моргая при этом в ответ на какой-то бесконечный монолог по телефону.

– Да, да... сорви с них покровы, – сказал он.

Срывание покровов было генеральной политикой «Санди блейз», да будет благословенно ее черствое сердце. Моя теща часто спрашивала, почему я не пишу для «Санди таймс», вместо того чтобы строчить репортажи для такой драной подстилки, как «Санди блейз»? Да больно я им нужен – вот почему. Понять это она была не в силах и всякий раз, когда на нее «накапывало», принималась оправдываться перед любым встречным и поперечным за мою службу. О том, что в «Блейз» платили на двадцать восемь процентов больше, чем в «Таймс», и что содержание ее дочери влетало мне в копейку, она почему-то забывала.

Я вскрыл дешевый коричневый конверт – какой-то придурок сообщал, что только безнравственные и беспринципные халтурщики вроде меня могут хорошо отзываться о человеке, за которого мне пришлось вступить в воскресном репортаже. Письмо было написано на туалетной бумаге, и злоба сочилась из него, словно болотный газ. Дерри прочитал его, стоя у меня за спиной, и рассмеялся:

– Говорил же тебе – расшевелишь осиное гнездо!

– Мне только повод дай влезть в неприятности, – согласился я.

Дерри строчил прилизанные нейтральные статейки в еженедельник, благополучно сплавляя мне материалы, возмущавшие спокойствие граждан. Спина у меня, постоянно твердил он, шире.

Еще восемь корреспондентов выражали примерно такое же мнение. И все, разумеется, анонимно. «Проблем у них, – решил я, сбрасывая письма в корзину для бумаг, – было куда больше, чем у меня».

– Как жена? – осведомился Дерри.

– Спасибо, прекрасно.

Не глядя в мою сторону, он кивнул. Ему никак не удавалось преодолеть некоторое смущение в разговорах об Элизабет. И не ему одному.

Разговор Люка Джона вышел на финишную прямую:

– Непременно, обязательно... Позвоню... Самое позднее в шесть. – Он повесил трубку и с профессиональной скоростью пробежал глазами письмо из «Тэлли». – «Глубокое исследование»... До чего обожают эту фразу шикарные журналисты! Хочешь заняться?

– Если заплатят прилично.

– Я думал, ты все еще бьешься над биографией Бастера Фигга.

– Застрял на шестой главе. Мой герой ускользнул на Багамские острова и не оставил материалов.

– И сколь глубоко ты успел погрузиться в его ужасную и ничтожную жизнь?

– Дошел до конца ученичества и первой победы в классических скачках.

– Это купят?

– Не знаю, – вздохнул я. – Его интересуют только деньги. Все, что он помнит о скачках, – это стартовые ставки. Они доходили до тысяч. Просил написать о самых крупных его выигрышах. Считает, что теперь, когда он удалился от дел, лицензию отобрать не имеют права...

Люк Джон сопел, потирая веснушчатой рукой резко выступавший на шее кадык, и, опустив тяжелые веки, изучал письмо из «Тэлли». В моем контракте с «Блейз» были свои ограничения: сочинять книги – пожалуйста, сколько угодно, но для того, чтобы написать статью для другого журнала или газеты, требовалась санкция Люка Джона, добиться которой было нелегко.

Дерри столкнул меня со стула и уселся на него сам. Бывая в конторе только по пятницам, постоянного места я не имел и при каждом удобном случае пользовался столом моего более юного коллеги. В верхних трех ящиках у него хранилась настоящая библиотечка из программ скачек, а также полбутылки виски, в нижнем – сотни две бумажных пурпурных сердечек и каталог порнографических фильмов – свидетельство того, каким лихим парнем хотел казаться Дерри, а совсем не тем законопослушным, умеренным и несколько отрешенным молодым человеком, каковым был на самом деле.

Облокотившись на край стола, я вслушивался в стрекот пишущих машинок и телефонный перезвон – неделя катилась к субботе. По вторникам учреждение замирало, в субботу здесь, казалось, гудит целый рой растревоженных ДДТ мух. По пятницам я сидел в «Блейз», по субботам ходил на скачки. Воскресенье и понедельник – официальные выходные. Со вторника по четверг я измышлял какую-нибудь возбуждающую умы тему и писал. По пятницам относил материал Люку Джону, а потом редактору – читать и править.

Результат – тысяча слов в неделю, груды бранных писем и чек, не покрывающий и части моих расходов.

Люк Джон поднял голову:

– А кто у нас идет на скачки, ты или Дерри?

– Я! – выпалил Дерри в ту же секунду.

– Ты как, Тай, не против? – вопросительно взглянул на меня Люк Джон.

– Нет, конечно. Это сложный гандикап, как раз по его части.

Люк Джон поджал и без того тонкие губы и (неожиданная щедрость!) вымолвил:

– В «Тэлли» хотят всю подноготную, намеками тут не отделаться. Что ж, почему бы тебе и не поработать на них, коли есть желание?

В нижнем углу листа он нацарапал жирное «о'кей» и подписался.

– Только уж будь другом: если раскопаешь какую тухлятину, попридержи для нас, – добавил он.

«Вот она, цена твоему проклятому благородству», – желчно подумал я. Душа Люка Джона всецело принадлежала «Блейз», и пробным камнем всех решений было: может ли данное дело прямым или косвенным образом сослужить службу газете? Время от времени одного из служащих спортивного отдела безжалостно приносили в жертву на этот алтарь. Отсроченные отпуска, несостоявшиеся свидания, упущенные возможности – ничто не останавливало его ни на миг.

– Само собой, – коротко ответил я. – И спасибо.

– Как жена? – спросил он.

– Спасибо, прекрасно.

Он исправно задавал мне этот вопрос каждую пятницу. Почему бы и не проявить внимание и чуткость, тем более что «Блейз» это ничего не стоило? А может, это и впрямь его интересовало? Интересовало лишь в той степени, что, если она чувствовала себя не «прекрасно», могла пострадать работа.

Я завладел телефоном Дерри и набрал номер.

– Журнал «Тэлли». Чем могу служить? – Девичий голос, ровный, утомленный, с западно-нокентским акцентом.

– Я хотел бы поговорить с Арнольдом Шенкертоном.

– Простите, кто его спрашивает?

- Джеймс Тайрон.
- Минуту... – Щелканье, пауза. – Соединяю.

Столь же ровный, интеллигентный голос провозгласил себя Арнольдом Шенкертоном из отдела очерков. Я поблагодарил за письмо и сказал, что готов принять предложение. В меру приветливым тоном он проронил, что это очень мило с моей стороны, а я в свою очередь добавил:

– Если, конечно, оплата будет приличной.

– Ну разумеется! Сколько вы хотите?

«Придумай цифру и помножь на два».

– Двести гиней плюс расходы.

Люк Джон приподнял брови, а Дерри присвистнул.

– Вы разбогатеете!

– Наши доходы весьма ограничены... – с оттенком жалобы заметил Шенкертон. – Сто гиней – абсолютный предел.

– Я плачу слишком большие налоги.

По проводу донесся тяжкий вздох.

– В таком случае – сто пятьдесят. Но очерк должен быть на уровне.

– Постараюсь.

– От вашего старания журнал прогорит. Нам нужны стиль и интуиция, а не скандал.

Ясно?

– Ясно, – согласился я, нимало не обидевшись. – На сколько слов?

– Это основной материал. Примерно три с половиной тысячи.

– А иллюстрации?

– Закончите работу, и я свяжу вас с одним из наших фотографов.

– Прекрасно, – вежливо заметил я. – Каковы сроки?

– Номер идет в печать... так, сейчас посмотрим... двадцатого ноября. Значит, материал мы должны получить самое позднее утром семнадцатого. Но чем раньше, тем лучше.

Я взглянул на настольный календарь. До семнадцатого десять дней.

Люк Джон бросил мне письмо через стол, но Дерри перехватил его и пробежал глазами.

– «Глубокое исследование», – иронически скривил он губы. – Что ж, тебе не привыкать к глубинам. Там ты чувствуешь себя как дома.

– Да, – рассеянно согласился я. – Но стоит ли погружаться из-за ста пятидесяти гиней?

Мне неожиданно пришло в голову, что интересно было бы извлечь из глубин людей, обычно остающихся в тени. Имена звезд подолгу не сходят со страниц прессы. Подпольные же звезды не фигурируют в разделе новостей. Надо же хоть иногда вытаскивать их на свет божий!

Пару раз подобного рода оригинальные идеи уже приносили мне неприятности. Но что решено, то решено. Тогда я и понятия не имел, чем все это закончится.

К часу дня Люк Джон, Дерри и я утрясли все свои делишки и под мелким морозящим дождем отправились в бар «Девере», что в Девере-корт, напротив Дворца правосудия.

Там уже сидел Берт Чехов и, обжигая пальцы о спички, тщетно пытался разжечь свою старую вонючую трубку. Его тушу обтягивал бесформенный твидовый пиджак, как всегда щедро обсыпанный пеплом, на ногах красовались стоптанные, запыленные ботинки. Водянистые голубые глаза Берта блестели ярче, чем полагалось бы в этот час и в этом месте, – видно, ланч у него начался минут на сорок раньше, по самым скромным моим подсчетам.

Люк Джон поздоровался с ним, но он ответил лишь мутным, ничего не выразившим взглядом. Дерри принес каждому по полпинте и вежливо пригласил Берта присоединиться, хотя не питал к нему особого расположения.

– Двойной скотч, – буркнул Берг. Дерри, по-видимому, вспомнил о своих закладных и помрачнел.

– Как дела? – осведомился я и тут же спохватился: Берг был поистине неистощим по части жалоб и воркотни.

Однако на этот раз плотина была перекрыта. Он с усилием сфокусировал на мне водянистый взор, и еще одна спичка обожгла ему пальцы. Он, казалось, и не заметил.

– С-с-совет тебе дам, – пробормотал он и тут же замолчал. Совет остался при нем.

– Ну так выкладывай свой совет, – предложил Люк Джон. – Он ему всегда пригодится.

Чехов перевел взор с меня на моего босса и рыгнул на всю катушку. Бледное лицо Дерри безразлично искривилось, и Берг это заметил.

«И вот так каждую пятницу, и в следующую тоже», – подумал я, но ошибся. Берту Чехову оставалось жить меньше часа.

Люк Джон, Дерри и я сидели на табуретках у стойки и поглощали холодное мясо с маринованным луком, а Берг, покачиваясь, стоял сзади, выпуская трубочный дым и пары виски нам в затылки. Время от времени он издавал нечленораздельное мычание, сопровождавшее, по-видимому, ход его мыслей.

Что-то с ним неладно. Но меня это мало заботило: своих проблем по горло!

Люк Джон взглянул на Берга с состраданием и предложил еще виски. Алкоголь затопил мутно-голубые глазки, сократив зрачки до величины булавочной головки, что придавало взгляду совсем уж бессмысленное выражение.

– Пойду-ка, пожалуй, провожу его до конторы, – неожиданно для самого себя предложил я. – Не то еще под автобус угодит.

– И поделом ему, – тихо, чтобы не услышал Люк Джон, прошептал Дерри.

Ланч завершился сыром и второй кружкой пива. Чехова мотало из стороны в сторону, и он опрокинул содержимое моей кружки на брюки Дерри и на ковер. Ковер воспринял это стоически, чего нельзя сказать о Дерри. Одним глотком я допил пиво и принялся подталкивать Берга через толпу к выходу.

– Бар еще не закрыт, – неожиданно отчетливо проговорил он.

– Для тебя закрыт, старина.

Он привалился к стене, размахивая трубкой, зажатой в пухлом кулаке.

– Никогда не уходи из пивной до закрытия. Никогда не бросай рассказ незаконченным. Никогда не держи женщину на пороге дома. Абзацы и юбки должны быть короткими, а фазаны и грудки – пухленькими.

– Точно, – вздохнул я. Вот тебе и совет!

Я взял его под руку, и без особых помех мы выбрались на тротуар Флит-стрит. Нетвердое наше продвижение в сторону Сити вызвало немало косых взглядов, но к столкновениям не привело. Слитые воедино, мы перешли улицу и двинулись на запад вдоль знаменитых фронтонов редакции «Телеграф» и черных стеклянных витрин «Экспресс». Флит-стрит немало повидала на своем веку, и пожилой репортер, накачавшийся, словно бурдюк, вином во время ланча, был никому не интересен.

– Совет, – сказал он вдруг, резко остановившись. – Небольшой совет.

– Ну? – терпеливо спросил я.

Он скосил на меня глаза:

– А ведь мы прошли мимо «Блейз».

– Ага.

Он попытался развернуть меня в обратную сторону.

– У меня дело в Лудгейт-серкус. Нам сегодня по пути, – солгал я.

– П-правда?.. – Он рассеянно кивнул, и мы потащились дальше. Еще через несколько шагов он снова остановился. – М-м-маленьки-ий... совет...

Он смотрел прямо перед собой. Я был уверен, что он ничего не видит, не замечает уличной суеты. Ничего, кроме какой-то одной навязчивой мысли, его не занимало.

Мне надоело ждать совета, который никак не мог материализоваться. Стало опять накрапывать. Я взял его под руку и попытался проташить последние оставшиеся до дверей редакции пятьдесят ярдов. Он не стронулся с места.

– Запомни последние слова, – вдруг сказал он.

– Чьи?

– Мои, ясное дело... Запомни последние слова. Маленький совет...

– Непременно, – вздохнул я. – Вымокнем тут.

– Я не пьяный.

– Ну конечно.

– Могу написать свою колонку в любую минуту. Хоть сейчас.

Он пошатнулся, и мы направились ко входу в редакцию. Еще три ступеньки, и он будет в тепле, в безопасности. Покачиваясь, он стоял у дверей.

– Если кто попросит, – выдавил он наконец, – не соглашайся.

По бледному мясистому лицу пробежала тень озабоченности. Нос был усеян крупными порами, на подбородке проступала жесткая черная щетина.

Рука его скользнула в карман, и выражение озабоченности сменилось радостной гримасой, когда она вновь вынырнула на свет божий с наполовину недопитой бутылкой виски.

– Надо же, а я уж думал, что потерял... – пробормотал он.

– Ладно, пока, Берт!

– Не забывай, помни мой совет!

– Ладно. – Я уже повернулся, как вдруг он сказал:

– Тай!

Мне это надоело.

– Ну что еще?

– С тобой этого не случится. Ты не допустишь... я знаю, но иногда именно самые стойкие попадают в худшие переделки. Я хочу сказать... Они не понимают, где надо остановиться.

Внезапно он качнулся вперед и ухватился за лацканы моего пальто. В нос мне ударил запах перегара, горячее дыхание смешивалось с сырым воздухом.

– Ты вечно будешь нищим из-за этой твоей... жены. Люк Джон мне рассказывал, я знаю. Вечно без гроша, будь я проклят. Но не соглашайся, не продавай свою бессмертную душу!

– Ладно, постараюсь, – устало пробормотал я, но он, казалось, не слышал.

С параноической настойчивостью, свойственной сильно пьяным, он продолжал:

– Сначала они покупают тебя, потом шантажируют...

– Кто?

– Не знаю... Только не продавай... не продавай свою колонку!

– Не буду! – вздохнул я.

– Я тебе серьезно говорю. – Он придвинулся еще ближе. – Никогда не продавай свою колонку.

– Берт, а ты?

Он молчал. Потом отвалился от меня и снова зашатался. Криво подмигнул:

– Вот такой совет...

Развернувшись, как на шарнирах, он нетвердой походкой направился через вестибюль к лифтам. Я видел, как он стоял в освещенной кабине, сжимая в руке бутылку, и твердил: «Совет, совет...» Тяжелые двери сомкнулись. Я пожал плечами и, несколько озадаченный, двинулся обратно к «Блейз». Зашел в машбюро посмотреть, готов ли материал. Они еще не закончили. Просили зайти в понедельник.

Когда я снова вышел на улицу, там кричала женщина. Прохожие оборачивались. Резкий истерический крик перекрывал шум колес и визг автомобильных клаксонов. Вслед за другими я побежал посмотреть, в чем там дело.

На тротуаре, в пятидесяти ярдах от «Блейз», быстро собиралась толпа. Я еще подумал, что именно в этом месте недостатка в штатных репортерах не будет. Примчатся через секунду.

На асфальте лежал Берт. Мертвый. Плиты мостовой вокруг него были усеяны сверкающими бутылочными осколками, и острый запах алкоголя смешивался с вонью выхлопных газов.

– Он упал, упал! – Женщина была на грани истерики и кричала не умолкая. – Выпал из окна, я видела! Вон оттуда! Упал!

– Бог мой! – несколько раз подряд повторил Люк Джон. Похоже, событие действительно потрясло его. Дерри выложил на стол грудку газетных вырезок и начал рассеянно собирать их в стопку.

– А Берт точно погиб? – спросил он.

– Его комната на седьмом этаже.

– Да... – Словно не веря, он покачал головой. – Бедный старик!

*Nil nisi bene*¹. Вот уж поистине резкая перемена в отношении!

Люк Джон выглянул из окна на улицу. Изуродованные останки Берта убрали. Мостовую вымыли. Ничего не ведающие прохожие бодро шагали по плитам, на которых он принял смерть.

– Он был пьян, – сказал Люк Джон. – Пьян, как никогда.

Сослуживцы Берта утверждали, что тот вернулся с ланча в совершенно невменяемом состоянии и просто выпал из окна. Нашлись и непосредственные свидетели происшествия – две девочки-секретарши. Они видели, как Берт, стоя у окна, хлестал виски прямо из горлышка, потом покачнулся, окно распахнулось, и он вывалился наружу. И удивляться нечему, если учесть, что Берт был пьян в стельку.

Но я вспомнил, с каким отчаянным упорством твердил он мне о каком-то совете. И призадумался.

¹ О мертвых или хорошо, или ничего (*лат.*).

Глава 2

Во внешности девушки, распахнувшей передо мной резную дверь особняка в стиле Тюдор в Вирджиния-Уотерс, меня поразили две особенности. Во-первых, ее осанка. Во-вторых, элегантность, с которой она была одета. И потом – цвет кожи. Кожа кофейно-медового оттенка, большие темные глаза и копна блестящих черных волос до плеч. Несколько широковатый в переносице нос и довольно крупный рот дополняли эту картину, над которой на славу потрудились негритянские и европейские гены.

– Добрый день, – сказал я. – Джеймс Тайрон. Я звонил.

– Входите, – кивнула она. – Гарри и Сара скоро будут.

– Что, до сих пор играют в гольф?

– Мм... – Она повернулась, улыбнулась слегка и сделала рукой приглашающий жест. –

До сих пор завтракают, я полагаю.

Без десяти четыре... А почему бы, собственно, и нет?

Она провела меня через холл – прекрасно отполированный паркет, тщательно подобранные цветы, обтянутая кожей стойка для зонтиков – в уставленную хризантемами гостиную с мебелью, обитой ситцем. Потолок украшали балки из темного дуба с машинной резьбой. На гладких кремовых стенах резким пятном выделялась одна-единственная картина – современное импрессионистское изображение какого-то космического взрыва. Масляные краски были наляпаны на холст щедрыми кусками.

– Располагайтесь. – Она повела изящной рукой в сторону пышного дивана. – Хотите выпить?

– Нет, благодарю.

– А я думала, журналисты только и знают, что пьянствуют день и ночь.

– Если вы пьете и пишете одновременно, перо теряет свою остроту.

– Пожалуй, – кивнула она. – Дилан Томас говорил: для того чтобы писать страстно, голова должна оставаться холодной как лед.

– Ну, это совсем другой класс. Немного повыше, – улыбнулся я.

– Но тот же принцип.

– Абсолютно.

Слегка склонив голову набок, она пристально рассматривала меня. Зеленое платье неподвижными складками стекало со стройного тела. Совершенно потрясающие ноги в новомодных сетчатых чулках были обуты в блестящие зеленые туфельки с золотыми пряжками. Единственным, кроме них, украшением служили золотые часы на широком браслете, охватившем правое запястье.

– Вы любите лошадей?

– Да, – сказал я.

– Еще полгода назад я и представить себе не могла, что буду ходить на скачки.

– Сейчас ходите?

– Жизнь круто изменилась в нашем захолустье с тех пор, как Гарри выиграл в лотерею Эгоцентрика.

– Вот именно об этом я и хотел бы написать.

Я приехал сюда за материалами для «Тэлли». И выбрал нетипичных владельцев скаковой лошади – Гарри и Сару Хантерсон. В этот момент они как раз появились в гостиной, внося с собой смешанный аромат свежего воздуха спортивной площадки, запах дорогих сигар и недавно выпитого джина.

Гарри оказался крупным мужчиной лет шестидесяти, с властными манерами, несколько тяжеловесным обаянием и непоколебимой приверженностью к партии тори. Я понял, что

читает он исключительно «Телеграф» и водит «ягуар» с автоматической коробкой передач. Он крепко пожал мне руку и осведомился, оказала ли мне его племянница должное гостеприимство. Я поблагодарил его.

Сара спросила:

– Гейл, милочка, почему же ты не предложила мистеру Тайрону выпить?

– Он отказался.

Две женщины обращались друг к другу подчеркнуто любезным, ледяным тоном. Сара была лет на тридцать постарше Гейл, но усердно трудилась, чтобы удержать природу в рамках. А как тщательно продуман был весь ее туалет – от красновато-коричневого платья с золотистой каймой до плотных коричневых туфель для гольфа! Лишь глубокая складка под подбородком выдавала все ухищрения. Злоупотребление гольфом и джином почти не оставило следов, разве что мелкие морщинки вокруг глаз. Рот сохранил свежесть и красивую форму. Подобная оболочка предполагала и богатое внутреннее содержание, но надежды эти были беспочвенны. Нельзя сказать, что Сара не являлась цельной натурой, ее суждения и поступки были столь же размеренны, упорядоченны и подражательны, как и вся обстановка в доме.

Гарри был возбужден только что выигранной партией, и разговорить его не составляло труда.

– Я, знаете ли, купил этот лотерейный билет на танцах, в гольф-клубе. Какой-то парень его продавал, приятель одного приятеля, что ли, ну я и дал ему фунт... Ну, знаете, как это всегда там, на танцах... В целях благотворительности... Я еще подумал, что целый фунт, пожалуй, слишком жирно за лотерейный билет, даже если играть на лошадь. Да и не нужна мне была никакая лошадь, заметьте себе! А потом, черт меня подери, взял да и выиграл ее! Целая проблема... Потом вдруг получилось, что эта самая лошадь меня оседлала! – Он захохотал, ожидая награды за шутку.

Я оказал ему должную поддержку. Выражение на лицах Сары и Гейл говорило, что фраза о том, как Гарри оседлала лошадь, произносилась в их присутствии неоднократно и они были готовы зубами скрежетать при каждом ее повторении.

– Расскажите о себе, – попросил я. – О своей семье и вообще о жизни.

– Всю биографию? – Он громко рассмеялся, оглядываясь на Сару и Гейл, словно ожидая поддержки с их стороны. Лицо его было отмечено своеобразной, несколько тяжеловесной красотой, разве что шея чересчур мясистая. Загорелая лысина и усы очень ему шли. – Биографию... – повторил он. – Откуда же начать?

– Начните с начала, с рождения, ну и так далее, по порядку.

Лишь знаменитости, которым часто приходится давать интервью, да еще крайне застенчивые люди способны устоять перед подобным соблазном. Глаза загорелись, речь полилась с энтузиазмом.

Родился он на окраине Суррея, в небольшом домике, раза в два меньше нынешнего. Ходил в дневную школу. В армию его не взяли, так как вскоре после окончания школы он заболел плевритом. Работал в Сити, в головном отделении одной финансовой компании, и с должности младшего клерка дошел до директорской, активно подбирая на этом долгом пути обрывки сведений, которые помогли ему сколотить скромный, но кругленький капиталец на фондовой бирже. Никаких темных делишек, никакого риска, однако вполне достаточно для того, чтобы поддерживать пристойный уровень жизни и после выхода на пенсию.

В двадцать четыре года он женился, а через пять лет в его автомобиль врезался грузовик и убил жену, трехлетнюю дочку и вдовую мать. В течение лет пятнадцати Гарри, активно приглашаемый на вечеринки и обеды, что называется, «присматривался». Наконец на каком-то собрании сторонников партии консерваторов встретил Сару, и три месяца спустя они поженились.

Жизнь Гарри шла, но событий в ней было мало. Ничего интересного для «Блейз» и очень немного для «Тэлли». Смирившись с этим, я спросил, намерен ли Гарри держать Эгоцентрика и дальше.

– Да, думаю, да. Он очень оживляет нашу жизнь.

– Каким образом?

– Приподнимает еще на несколько ступенек вверх, – холодно заметила Гейл. – Есть чем похвастаться на вечеринках.

Все обратили на нее свои взоры. По ее виду трудно было понять, нарочно ли она старается раздражить или разозлить их. На лице Гарри застыло неуверенное выражение. Ясно одно: она задела их за живое, и Сара не замедлила наказать ее за это.

– Гейл, детка, почему бы тебе не приготовить нам всем чаю?

Казалось, каждой жилочкой Гейл противится приказу. Наконец нарочито медленно она поднялась и вышла из комнаты.

– Славная девушка, – кисло заметила Сара. – Правда, иногда с ней бывает нелегко ладить.

Неискренность свела на нет ее улыбку, однако она сочла нужным продолжить и пустилась в откровения, прибегнуть к которым не упускала случая при любой возможности и с любым, кто попадется под руку.

– Сестра Гарри замужем за адвокатом... Очень неглупый человек... но, знаете ли... африканец.

– Понимаю, – сказал я.

– Конечно же, мы очень любим Гейл, и вот, поскольку ее мать уехала на родину мужа, как только страна обрела независимость, и потом, раз девочка родилась в Англии и хотела остаться, мы решили... в общем, вот... она и живет здесь, с нами.

– Понимаю, – сказал я опять. – Здесь ей, должно быть, хорошо.

«Как это грустно, – подумал я, – что они считают нужным в чем-то оправдываться. Гейл в этом не нуждается».

– Она преподает в школе изобразительных искусств, в Виктории, – добавил Гарри. – Рисунки для мод.

– Моделирование одежды, – поправила Сара. – Она очень способная! Ее ученики получают призы и все такое. – В голосе ее звучало облегчение: я воспринял все нормально, и теперь ей хотелось поразить меня своим великодушием. Надо отдать ей должное – она приложила немало усилий для преодоления давних, вьевшихся в плоть и кровь предрассудков. Жаль только, что она не в состоянии замаскировать свое чрезмерное старание.

– Ну а вы? – спросил я. – Расскажите мне о своей жизни. И что вы думаете об Эгоцентрике?

Ее судьба, начала она извиняющимся тоном, не столь интересна. Первый муж, оптик, умер за год до того, как она встретила Гарри, и вся жизнь, за исключением благотворительности, сводится к ведению дома. Она довольна, что Гарри выиграл лошадь, ей нравится бывать на скачках в роли владелицы, и она считает игру на скачках захватывающей, но ставка в десять шиллингов – ее предел.

Они с Гейл страшно забавлялись, придумывая костюм для жокея Гарри.

– А какие цвета?

– Пурпурные и бирюзовые вопросительные знаки по белому полю, бирюзовые рукава, красное кепи.

– Очень красиво, – улыбнулся я. – Теперь буду следить за ним на скачках.

Гарри сообщил, что тренер планирует провести Эгоцентрика еще через один тур соревнований до начала скачек на Золотой кубок. Может быть, тогда я и увижу лошадь.

– Может быть, – согласился я, и тут Гейл внесла чай.

Гарри и Сара торопливо осушили по три чашки, одновременно взглянули на часы и сообщили, что пора собираться на коктейль.

– Я, пожалуй, не пойду, – проговорила Гейл. – Вы извинитесь перед ними, но мне надо поработать. Могу заехать за вами, если хотите. Позвоните, когда соберетесь домой.

– Прежде чем мы попрощаемся, – сказал я, – мне хотелось бы взглянуть на все газетные вырезки, какие у вас есть. И фотографии.

– Ради бога, ради бога... – забормотал Гарри. – Гейл вам все покажет. Ладно, милочка? А сейчас надо бежать. Старина Марроу, заметьте себе, не кто-нибудь, а президент гольф-клуба... Рад был познакомиться. Надеюсь, вы узнали все, что необходимо... Звоните, если возникнут еще вопросы.

– Спасибо, – ответил я, но он уже исчез. Хантерсоны поднялись наверх, потом спустились в холл, входная дверь хлопнула, от дома отъехал автомобиль. Дом погрузился в тишину.

– Они не то чтобы пьяницы, – произнесла Гейл. – Просто живут от одной выпивки до другой.

Очередь Гейл объяснять. Однако в ее тоне я не уловил ни малейшего желания оправдываться, не то что у Сары.

– Наслаждаются жизнью, – откликнулся я.

Гейл приподняла брови:

– Правда? Да, пожалуй. Мне и в голову не приходило.

«Эгоистична, – подумал я. – Холодна. Бесчувственна... Все, что я ненавижу в женщинах. Все, что мне необходимо в женщине. Слишком соблазнительна».

– Посмотрите фотографии? – спросила она.

– Да, пожалуйста.

Она принесла альбом в дорогой коже, и мы перелистали его. Все газетные вырезки я знал. Ни одна из фотографий не оказалась достаточно изысканной для «Тэлли». Я сказал, что придется заехать еще раз с фотографом. Гейл отложила альбом и встала.

– Они позвонят от Марроу часа через два, не раньше. Может, останетесь и выпьете чего-нибудь?

Я взглянул на часы. Поезда ходили через каждые тридцать минут. Ну, допустим, на следующий я не успею... Там была Элизабет. А здесь – Гейл. И времени всего час.

– Хорошо, – сказал я. – Остаюсь.

Она налила мне пива. И сама взяла стакан. Я снова сел на диван, а она грациозно опустилась на огромный бархатный пуф.

– Вы, конечно, женаты?

– Да.

– Все интересные мужчины обычно женаты.

– А вы почему не выходите замуж?

В улыбке блеснули белые влажные зубы.

– А-а... С этим можно подождать.

– И долго ждать?

– Ну, думаю, пока не встречу человека, расставания с которым не смогу перенести.

– А вы уже расстались с несколькими?

– Да, с несколькими. – Она кивнула, глотнула пива и вызывающе посмотрела на меня. – А вы? Вы не изменяете жене?

Я заморгал. И ответил осторожно:

– Почти нет.

– А иногда?

– Нечасто.

Выдержав долгую задумчивую паузу, она коротко произнесла:

– Хорошо.

– Это что же, прикажете рассматривать как философское замечание или как конкретное предложение?

Она рассмеялась:

– Просто хочу четко представлять ситуацию.

– Чтобы знать, на что рассчитывать.

– Ненавижу всяческую неразбериху, – кивнула она.

– Особенно, наверное, эмоциональную неразбериху.

– Вы правы.

«Она никогда не любила, – подумал я. – В ее жизни был секс, но любви не было. Как раз то, что мне нужно». Я поборол коварный внутренний голос и задал типично журналистский вопрос о работе.

– Работа как работа. – Она пожала плечами. – Из ста студентов, может быть, один настоящего талантливого. По большей части амбиций у них в пять раз больше, чем идей.

– А сами вы занимаетесь моделированием одежды?

– Почти нет. Придумываю иногда что-нибудь для себя или для Сары. Мне нравится преподавать. Доводить художественное невежество до уровня подлинного мастерства.

– И замечать потом отголоски своих идей по всей Оксфорд-стрит?

Она кивнула, глаза ее блестели и улыбались.

– Сейчас на пяти крупнейших фабриках готового платья работают мои ученики. Стиль одного из них настолько индивидуален, что, глядя на витрину, можно безошибочно отличить его работы от других.

– Я вижу, вам нравится осознавать свою власть?

– А кому-то не нравится?

– Как сказать...

– Власть всегда разлагает? – Голос ее звучал саркастически.

– Каждого в своей мере. Интересно знать, в чем ваша слабость?

Она засмеялась:

– Деньги, я думаю. Преподавателям их вечно не хватает.

– Но зато у вас есть власть.

– Надо же иметь хоть что-нибудь, раз нельзя получить все.

Я опустил голову, чувствуя, как исказилось мое лицо. Трудно подобрать более точные слова для обрисовки положения, в котором я пребывал вот уже одиннадцать лет.

– О чем задумались? – спросила Гейл.

– О том, как бы заполнить вас в постель.

Она, казалось, онемела от возмущения. Я поднял глаза, готовый к любым проявлениям женского самолюбия. Ведь я мог и ошибиться в ней.

Но я не ошибся. Она смеялась. Польщенная.

– Весьма откровенно.

– Ага.

Я поставил стакан на стол и поднялся, улыбаясь:

– Опаздываю на поезд.

– Уходить? После таких-то откровений?

– Именно после таких.

Вместо ответа она приблизилась, взяла меня за руку и вложила пальцы в золотое кольцо, венчавшее застежку-молнию у нее на платье.

– Иди сюда.

– Но мы знакомы всего три часа, – запротестовал я.

– Однако раскусил ты меня через три минуты.

Я отрицательно помотал головой:

– Три секунды.

Зубы ее блеснули.

– Мне нравятся незнакомцы.

Я потянул кольцо вниз и понял, что именно этого она и ждала.

Мы лежали рядом на белом пушистом ковре. Казалось, весь мир отлетел куда-то на миллион световых лет, и я не торопил его возвращение.

– А что, твоя жена тебя не слишком балует?

«Элизабет, – подумал я, – о господи, Элизабет! Но иногда, хотя бы иногда...»

Столь хорошо знакомое ощущение вины захлестнуло меня горячей волной. Мир снова придвинулся вплотную.

Я сидел, слепо всматриваясь в темнеющую комнату. Гейл, видимо, поняла, что допустила бестактность, со вздохом поднялась и не сказала больше ни слова.

«В горе и радости, – с болью думал я. – В бедности и богатстве. В болезни и благополучии буду с тобой, только с тобой, пока смерть не разлучит нас».

Так я поклялся. В ту пору клятвы давать было легко. Но я не сдержал слова. Гейл была четвертой за одиннадцать лет. И первой почти за три года.

– Будешь так сидеть и дальше, опоздаешь на поезд, – прозаически заметила она.

Я взглянул на часы: оставалось пятнадцать минут.

Она вздохнула:

– Так и быть, подвезу тебя до станции.

Мы успели с запасом. Я вышел из машины и вежливо поблагодарил.

– Еще увидимся? – спросила она. Без всякой заинтересованности в голосе. Ей просто нужна была информация.

Как далека и холодна была она по сравнению с той женщиной на белом ковре! Включилась, выключилась. Как раз это меня и устраивало.

– Не знаю, – нерешительно пробормотал я. Светофор на краю платформы загорелся зеленым.

– До свидания, – спокойно сказала она.

– А что, Гарри и Сара всегда играют в гольф по воскресеньям? – осторожно спросил я.

– Всегда.

– Тогда, может быть...

– Может, позвонишь, а может, нет, – кивнула она. – Что ж, по крайней мере, это честно.

А я, может, буду дома, а может, нет. – Отчужденно улыбаясь, она смотрела на меня через опущенное боковое стекло.

О, такая не зарыдает, если я не появлюсь! Но если приеду – примет.

Она подняла стекло и отъехала. Не махнув рукой, не обернувшись.

Зеленая гусеница электропоезда тихо подползла к станции, чтобы унести меня домой. Сорок минут до вокзала Ватерлоо, потом на метро до Кингс-кросс. И три четверти мили пешком.

– Вы опоздали, – произнесла мать Элизабет с заранее рассчитанной долей раздражения.

– Извините.

Я наблюдал, как она сердито, рывками, натягивает перчатки. Пальто и шляпа были уже на ней.

– Поразительная беззаботность! Пока доберусь до дома, будет почти одиннадцать.

Я промолчал.

– Эгоист. Все мужчины эгоисты.

С ней не было смысла ни соглашаться, ни спорить. Неудачное и кратковременное замужество оставило в ее душе незаживающие раны, которые она усердно демонстрировала перед единственной дочерью. Когда я познакомился с Элизабет, та панически боялась мужчин.

– Мы ужинали, – сказала теща. – Посуду я оставила миссис Вудворд.

Не было ничего радостнее для миссис Вудворд, как обнаружить в понедельник утром груды грязных тарелок с застывшим на них жиром.

– Прекрасно, – ответил я, фальшиво улыбаясь.

– До свидания, Элизабет! – крикнула она.

– До свидания, мама!

Я распахнул перед ней дверь.

– Ну, до следующего воскресенья!

– Рад буду видеть вас.

Она желчно улыбнулась, зная, что я лгу. Днем ее посещений было воскресенье. Далеко не каждую неделю я мечтал видеть ее в нашем доме. Но в следующий раз это даст мне возможность поехать в Вирджиния-Уотерс. В размышления о том, как воспользуюсь своей свободой, я постарался не углубляться. Она удалилась, а я подошел к Элизабет и поцеловал ее в лоб:

– Привет.

– Привет, – ответила она. – Удачно провел день?

Удар, от которого перехватило дыхание.

– Ага.

– Я рада... Мама опять оставила посуду.

– Не беспокойся, я перемою.

– Что бы я делала без тебя...

Оба мы прекрасно знали ответ на этот вопрос. Без меня она провела бы остаток жизни в больничной палате, как заключенный, без малейшей надежды на освобождение. Она не могла дышать без электрического насоса, тихо гудевшего у подножия кровати, приподнятой в изголовье. Она не могла сама ни поесть, ни помыться в ванной. Моя жена Элизабет была на девяносто процентов парализована в результате полиомиелита.

Глава 3

Мы жили над рядом запертых гаражей на месте бывших конюшен за Грейс-Инн-роуд. Компания по застройке нового района недавно снесла все старые здания напротив, и закатное солнце беспрепятственно проникало в наши окна. На площадке были возведены опоры для строительства новых домов. Если по окончании постройки они заслонят нам свет, придется подыскивать другое жилище. Не слишком приятная перспектива. Мы уже переезжали два раза, и это было сопряжено с огромными трудностями.

Поезда к ипподромам отправлялись из Лондона, поэтому, чтобы сэкономить на дороге, мы поселились в десяти минутах ходьбы от «Блейз». В Лондоне лучше жить на окраине, чем в центре: все наши соседи знали об Элизабет и, проходя мимо, иногда заходили, чтобы поздороваться с ней, поболтать или занести покупки.

По утрам приходила районная медсестра и делала Элизабет паровые растирания, чтобы не было пролежней. Миссис Вудворд, сестра с незаконченным медицинским образованием, работала у нас с понедельника по субботу, с полдесятого до шести, но ее всегда можно было попросить и задержаться. Главная проблема заключалась в том, что Элизабет нельзя было оставить одну ни на минуту из-за опасности перебоев в энергоснабжении. При отключении электричества в сети дыхательный насос подключался к электробатарее, можно было приводить его в действие и ручным способом, но на этот случай в квартире постоянно должен был кто-то находиться, и делать это следовало быстро и четко. Миссис Вудворд, добродушная пожилая женщина, была в этом смысле вполне надежна, и Элизабет любила ее. Она, помимо всего прочего, была весьма дорогостоящей сиделкой, так как государство «всеобщего благоденствия» становилось немо как рыба, когда речь заходила о недееспособных женах: я не мог добиться даже налоговой скидки для оплаты услуг миссис Вудворд. Но мы никак не могли обойтись без нее и потому были бедны – вот в чем штука.

В одном из гаражей рядом с домом стоял заезженный фургон «бедфорд», единственно приемлемый для нас вид транспорта. Я оборудовал его кроватью типа носилок, насосом, батареями и прочими приспособлениями, и, хотя каждую неделю выбираться на прогулку было делом слишком хлопотным, фургон вносил в жизнь Элизабет некоторое разнообразие и позволял подышать свежим воздухом. Пару раз мы пробовали провести уик-энд в кемпинге у моря, но ей там было неудобно и беспокойно, оба раза шел дождь, и мы решили больше не ездить. «Вполне достаточно и дневных прогулок», – говорила она.

Респираторный аппарат «Спирашелл» был современного, «панцирного» типа. Он слегка напоминал панцирь от рыцарских доспехов. Целиком охватывая грудь спереди, он заканчивался по бокам толстым валиком из латекса и закреплялся на спине ремнями. Дыхание осуществлялось всасыванием воздуха. Насос, подсоединенный к «Спирашеллу» с помощью широкого гибкого шланга, создавал внутри корпуса частичный вакуум, а затем опять подавал воздух. Под действием вакуума грудная клетка поднималась, и воздух проникал в легкие. При подаче воздуха грудная клетка сжималась, и происходил выдох.

«Спирашелл», гораздо более легкий и удобный в обращении, чем респиратор старого типа, обладал одним существенным недостатком. Как мы ни старались, сколько свитеров и шарфов ни подсовывали между латексным валиком и ночной рубашкой, побороть создаваемый им сквозняк не удавалось. Летом, когда в квартире было тепло, никаких проблем не возникало. Но холодный воздух, постоянно дующий на грудь, раздражал Элизабет. Кроме того, холод сводил к минимуму даже те небольшие двигательные рефлекссы, которые сохранились в левой руке и запястье и от которых она целиком зависела. Наши ежемесячные счета за отопление были поистине астрономическими.

За те девять лет, что она провела вне больницы, мы успели приобрести почти все мыслимые и немыслимые приспособления. Квартира была буквально опутана проводами и блоками. Элизабет могла читать книги, задергивать шторы, включать и выключать свет, радио и телевизор, говорить по телефону и даже печатать письма на пишущей машинке. Все эти чудеса осуществлялись с помощью электроаппарата под названием «Опоссум». Последним нашим достижением был электроблок, поднимающий и поворачивающий ее левый локоть и предплечье, благодаря чему она могла есть некоторые блюда без посторонней помощи. А закрепленной в нем зубной щеткой она даже могла самостоятельно почистить зубы.

Я спал на диване в той же комнате, над ухом у меня висел колокольчик на случай, если ночью ей понадобится моя помощь. Колокольчики были развешаны также в ванной, кухне и в той комнатухе, где я работал. Все это вместе с просторной гостиной и составляло нашу квартиру.

Мы были женаты три года, и нам обоим было по двадцать четыре года, когда Элизабет заболела полиомиелитом. Мы жили тогда в Сингапуре, где я работал в агентстве Рейтер, и как раз собирались домой, на родину, чтобы провести там месячный отпуск.

В самолете Элизабет стало плохо. Свет резал глаза, голова раскалывалась от боли, словно в затылок ей вогнали железный стержень, саднило в груди. Выйдя из самолета в Хитроу, она прошла несколько шагов и упала на асфальт. И это был последний раз, когда она стояла на ногах.

Наша любовь друг к другу помогла пережить все, что последовало дальше. Бедность, отчаяние, слезы, крушение надежд. Через несколько лет настал период относительно благополучного существования с удобным жильем, приличной работой, упорядоченным, налаженным бытом. Мы были по-настоящему близкими друзьями.

Но не любовниками. Когда после двух-трех бесплодных попыток я сказал, что придется, пожалуй, с этим повременить, она улыбнулась, как мне показалось, с огромным облегчением, и больше этот вопрос никогда уже не обсуждался.

На другой день после поездки в Вирджиния-Уотерс я вышел из дома, сел в фургон и направился на север, к Эссексу. На сей раз я избрал жертвой фермера, напавшего на золотосную жилу, – Тиддли Пома, предполагаемого фаворита в скачках на Золотой кубок.

Буйно разросшиеся сорняки обрамляли полуразбитую дорожку, которая от пары гниющих воротных столбов вела к ферме Виктора Ронси. Сам дом, невзрачное сооружение грязно-кирпичного цвета, стоял среди вороха опавшей неубранной листвы и безучастно взирал на мир симметричными, давно не мытыми окнами. Выгоревшая краска на рамах облупилась, дымка над трубой не было.

Я постучал в заднюю полукруглую дверь, но никто не откликнулся. Через небольшую прихожую прошел в дом. Громко тикали дешевые настенные часы. В нос ударил резкий запах резиновых веллингтоновских сапог и коровьего навоза. На краю кухонного стола кто-то оставил пакет с мясом, и тонкая водянистая струйка крови, просочившаяся через бумагу, образовала на полу розовую лужицу.

Выйдя из дома, я пересек захламленный двор и заглянул в пару сараев. В одном стоял трактор, покрытый слоем грязи шестилетней давности. В другом я обнаружил кучу ржавых инструментов и старых сломанных рам, а также спиленные ветки деревьев. Под большим навесом, кроме грязи и паутины, ничего не было.

Пока я болтался по двору, не зная, куда отправиться дальше на поиски, из-за угла дальнего строения появился здоровенный молодой парень в вязаной полосатой шапочке с алым помпоном. На нем был просторный, давно не стиранный свитер бледно-голубого цвета и грязные джинсы, заправленные в тяжелые резиновые сапоги. Светловолосый, с круглым обветренным лицом, он выглядел добродушным и простоватым.

– Привет, – сказал он, – кого ищете?

– Я к мистеру Ронси.

– А он там, через дорогу, лошадьми занимается. Загляните попозже.

– А когда он освободится?

– Может, через час, не знаю, – пожал он плечами.

– Тогда я там его подожду, если не возражаете, – сказал я, махнув рукой в сторону своего фургона.

– Дело ваше.

Он двинулся к дому, но вдруг остановился, обернулся и пошел назад.

– Эй, а вы не тот парень, что тут звонил папаше?

– Какой парень?

– Джеймс Тайрон.

– Да, это я.

– Что ж вы сразу-то не сказали? Я думал, просто так, прохожий... Заходите в дом. Завтракать будем?

– Завтракать?

Он усмехнулся:

– Ага. Знаю, сейчас почти одиннадцать. А я встал еще шести не было. Успел опять проголодаться.

Он провел меня в дом через ту же заднюю дверь, не обратил никакого внимания на оттаившее мясо; тяжело ступая, направился к дальней двери, что вела в комнаты, и распахнул ее.

– Ма! – крикнул он. – Ма! – Он пожал плечами и вернулся в кухню. – Где-то ходит. Ну ничего... Яйца будете?

Я отказался, но, когда он достал огромную сковороду и щедро наполнил ее беконом, передумал.

– Сварите пока кофе.

На скамье возле раковины были составлены в ряд кружки, молотый кофе, сахар, молоко, чайник и ложки.

– Наша ма, – улыбаясь, пояснил он, – умеет экономить время и энергию.

Он ловко зажарил шесть яиц, разделил на две равные порции и положил на каждую тарелку по огромному ломтю свежего белого хлеба.

Мы сидели за кухонным столом, и мне показалось, что уже давно я не ел так вкусно и сытно. Он неторопливо жевал, пил кофе, потом отодвинул тарелку и закурил.

– Я Питер, – представился он. – Здесь редко бывает так тихо, но сейчас ребяташки в школе, а Пэт с отцом.

– Пэт?

– Мой брат. У нас в семье свой жокей. Только не думаю, что вы о нем слышали.

– Боюсь, что нет.

– Я читаю ваш раздел. Почти каждую неделю.

– Я рад.

Покуривая, он наблюдал, как я расправляюсь с яичницей.

– А вы не очень-то разговорчивы для журналиста.

– Больше слушаю.

Он усмехнулся:

– Вот и правильно.

– Тогда расскажите о Тиддли Поме.

– Ну нет. Это вам надо говорить с отцом или Пэтом. Они помешались на лошадях. А я занимаюсь фермой... – Он внимательно посмотрел на меня, стараясь понять, какое это произвело впечатление. Ведь он был еще совсем юным, хотя почти с меня ростом.

– Вам лет шестнадцать?

– Ага. – Он презрительно фыркнул. – Однако на деле все это пустая трата времени.

– Почему?

– Почему? Да все из-за этого проклятого шоссе. Они почти закончили это чертово четырехполосное чудовище, а проходит оно вон там, по ту сторону поля. – Он махнул рукой с зажатой в ней сигаретой в сторону окна. – Отец до смерти боится, что у Тиддли Пома начнется нервное расстройство, когда по дороге будут грохотать тяжелые грузовики. Уже два года мы пытаемся продать ферму, но никто не покупает, и их можно понять. – Он помрачнел. – И потом неизвестно – ведь они вполне могут отхватить еще кусок земли, забрали же те пятьдесят акров. Вот и настроения нет поддерживать тут порядок, правда?

– Да уж конечно, – согласился я.

– Шли разговоры, что наш дом снесут, – продолжал Питер. – Очень удобное место для станции обслуживания, с разными там ресторанами и большой стоянкой для машин... Единственный человек, кому нравится дорога, – мой брат Тони, он собирается стать автогонщиком. Ему одиннадцать... Вот чудило!

За окном послышался хруст гравия и цокот копыт, звуки приближались. Мы с Питером поднялись и вышли во двор. Три лошади пересекли ухабистую дорожку и остановились перед нами. Всадник на первой лошади соскользнул на землю, передал поводья второму и подошел. Подтянутый жилистый мужчина лет под пятьдесят с густыми каштановыми волосами и усами цвета горчицы.

– Мистер Тайрон?

Я кивнул. Он наградил меня крепким рукопожатием, что вполне гармонировало с его манерами и голосом, и посторонился, чтобы дать мне возможность как следует разглядеть лошадей.

– Вот этот гнедой и есть Тиддли Пом. – Он указал на третью лошадь, на которой ехал молодой человек, очень похожий на Питера, только, пожалуй, не такой крупный. – А это Пэт, мой сын.

– Очень красивая лошадь, – с трудом выдавил я. Владельцы по большей части ожидают похвал, но внешние данные Тиддли Пома говорили неопытному глазу не больше, чем неограненный алмаз. Ничем не примечательная голова, слегка опущенная к слабому плечу, да к тому же еще и тощий, как селедка. Такая лошадь выглядит одинаково нелепо и на дворе фермы, и на ипподроме.

– Ну нет! – рявкнул Ронси. – Он хорош в деле, а не на вид. И нечего тут льстить – я этого не люблю.

– Что ж, по крайней мере, это честно, – смиренно произнес я. – У него некрасивые голова и шея, да и седла в боках он как следует не заполнит.

– Так-то оно лучше. Вы, видать, знаете в этом толк. Проведи его по двору, Пэт.

Пэт повиновался. Тиддли Пом заскакал тряским аллюром, который раз в сто лет отличает прирожденного чемпиона. Эта лошадь, выведенная от чистокровной кобылы-гунтера и премированного жеребца, была потрясающим прыгуном и обладала невиданной для своей родословной скоростью. Когда вдруг появляется такой самородок, не только зрителям, но и самому хозяину нужно какое-то время, чтобы оценить его в должной мере. Сама индустрия по разведению скаковых лошадей подсознательно отрицает возможность того, что «звезда» в двадцать два карата может отыскаться в стойлах какого-то мелкого владельца. Тиддли Пому понадобилось целых три сезона участия в скачках, чтобы утвердиться в этом качестве.

– В прошлом году мы испытывали его в открытом гандикапе, – сказал Ронси.

– И он выиграл четыре скачки из шести, – закончил я за него.

– Ну ясно, вы это знаете по долгу службы. Пэт! – крикнул он. – Отведи его в стойло! – Он снова повернулся ко мне и спросил: – Хотите поглядеть остальных?

Я кивнул и вслед за Пэтом и двумя другими лошадьми отправился через двор к строению, из-за угла которого так неожиданно появился Питер.

За ветхим амбаром выстроились в аккуратный ряд шесть чистеньких деревянных боксов под шиферными крышами, со свежеекрашенными деревянными дверьми. В отличие от распада, царившего на ферме, они содержались в идеальном порядке. Нетрудно было догадаться, куда вкладывает фермер сердце и душу – конечно же, в главное свое сокровище.

– Ну вот, – сказал Ронси. – У нас всего одна скаковая лошадь, кроме Тиддли Пома, и это Клондайт, на котором я только что был верхом. Весной он участвовал в скачках гунтеров. По правде сказать, не очень удачно. – Он подошел ко второму боксу, ввел лошадь внутрь и привязал. Когда снял седло, я увидел, что Клондайт куда в лучшей форме, чем Тиддли Пом. Это, впрочем, мало о чем говорило, разве что о том, что здоровье так и распирало его шкуру.

– Выглядит он отлично, – отметил я.

– Дармоед, – бесстрастно произнес Ронси.

– Он иноходец, – с сожалением прокомментировал Пэт у меня над ухом. – Никак не может перейти на рысь. Жаль...

Несмотря на немногословие, я различил в его голосе нотку злорадства и искоса взглянул на него. Он спохватился и попытался изменить выражение лица, однако я догадался, что успехи лошадей вызывают у него противоречивые чувства. Рано или поздно они будут участвовать в скачках на Национальный приз, а он – нет. Там нанимают более опытных жокеев – любителей и профессионалов. В отношениях между отцом и сыном существовали свои сложные подводные течения и острые углы.

– А кто в других стойлах? – спросил я Ронси.

– Вон там, с краю, старый серый гунтер и две кобылы, обе жеребые. Одна из них – Пиглет, мамаша нашего Тиддли Пома. А отец – тот же производитель.

«Молния, – подумал я, – редко ударяет в одно и то же дерево».

– Что ж, тогда вы сможете выгодно продать жеребенка.

Он презрительно фыркнул:

– Она числится за фермой.

Я усмехнулся про себя. Фермеры имели право тренировать лошадей, вкладывая в них немалые деньги, но при продаже лошадь попадала под статью дохода, и сумма облагалась большим налогом. При продаже Тиддли Пома или его брата Ронси пришлось бы отдать почти половину выручки департаменту налоговых сборов.

– Джо, выведи кобыл, – сказал Ронси третьему наезднику, безмолвному и хрупкому на вид старичку. Кожа на его лице и руках была обветрена и походила на древесную кору. Джо выпустил лошадей на луг. Питер стоял у ворот рядом с Пэтом. Он был крупнее брата, увереннее в себе и куда простодушней.

– Славные у вас сыновья, – обратился я к Ронси.

Тот поджал губы. Сыновья, по-видимому, не составляли предмет его гордости. В ответ на мой заискивающий комплимент он буркнул:

– Пошли в дом. Там и спросите все, что вас интересует. Вы сказали, что для журнала?

Я кивнул.

– Пэт! – крикнул он. – Привяжи этих трех как следует и задай им корма, а Джо пусть займется изгородью. Питер, у тебя тоже дел полно. Ступай работать!

В молчаливом повиновении мальчиков таился закипающий бунт. Они нарочно помедлили, а потом двинулись прочь, храня невозмутимое выражение на лицах. Крышка над котлом пара. В один прекрасный день Ронси может и ошпариться.

Мы быстро пересекли двор и прошли в кухню. Мясо все еще текло. Ронси обошел лужицу и дал мне знак следовать за ним в небольшую полутемную прихожую.

– Мэдж! – крикнул он. – Мэдж!

Отцу повезло не больше, чем сыну. Он, как и Питер, пожал плечами и провел меня в комнату, убогую и обшарпанную, как и все в доме. Вокруг на полу и стульях валялись разные предметы: письма, газеты, одежда, игрушки и прочий совсем уже непонятный хлам. На подоконнике стояла ваза с давно увядшими и засохшими хризантемами, а на полке бесстыдно красовалась паутина. В камине громоздилась куча остывшего еще вчера пепла.

– Садитесь, если найдете где, – сказал Ронси. – Мэдж позволяет ребятам творить в доме черт знает что. Слишком мягка с ними. Вне дома я этого не терплю.

– А сколько их у вас?

– Мальчиков? Пятеро.

– И дочь?

– Нет, – отрубил Ронси. – Пятеро сыновей. – По-видимому, эта ситуация его серьезно угнетала. – Что за журнал?

– «Тэлли». Им нужен занимательный материал к предстоящим скачкам на Золотой кубок, и я решил для разнообразия забыть о знаменитостях и высветить факелом прессы другой объект.

– Понял, – несколько заносчиво сказал он. – Кстати, обо мне уже писали раньше.

– Я знаю, – успокоил я его.

– И о Золотом кубке тоже. Сейчас покажу.

Он вскочил, подошел к двухтумбовому письменному столу, целиком выдвинул один ящик и перенес его к моему дивану. Водрузил ящик посередине, смахнул на пол измятый свитер, две сломанные игрушечные машинки, растрепанный сверток в коричневой бумаге и уселся на освободившееся место.

В ящике оказалась стопка газетных вырезок вперемешку с фотографиями. Никаких вам дорогих кожаных альбомов, как у Хантерсонов.

Внезапно я подумал о Гейл. Я видел, как Ронси что-то говорит мне, но думал о ее теле. О душистой и смуглой коже. Ронси что-то спросил, но я не расслышал.

– Ради бога, простите.

– Я говорю, знаете ли вы Берта Чехова? – Он держал в руке длинную газетную вырезку с фотографией и крупным заголовком: «Тиддли Пом вернулся».

– И да... и нет, – ответил я неуверенно.

– Не понимаю, – буркнул он. – Я думал, вы знакомы, раз занимаетесь общим делом.

– Я знал его. Он умер. В прошлую пятницу.

Я читал заметку, а Ронси пытался выразить сожаление по поводу случившегося, хотя безразличие, звучавшее в его голосе, явно портило весь эффект.

Берт Чехов рассказывал читателям о шансах Тиддли Пома в предстоящих скачках на Кубок. По его мнению, устроители, поместившие лошадь в жокейскую весовую категорию десять и семь десятых стоунов², страдали слепотой и умственной неполноценностью, а всем понтерам, не бросившимся тут же делать на него ставки, следовало бы нанять няньку, которая утирала бы им сопли. Он призывал всех и каждого торопиться со ставками, пока букмекеры не наткнулись на это «золотое дно». В свойственном Берту залихватском стиле лошадь была разрекламирована, точно четырехступенчатая ракета.

– Незнаком с этой статьей, – сознался я. – Видимо, пропустил.

– Он звонил в прошлый четверг, а напечатали ее в пятницу. Наверное, в тот самый день, когда он погиб. Я, честно сказать, не ожидал, что она появится. Мне показалось, он был в стельку пьян...

– Вполне возможно, – ответил я.

– И это мне не понравилось.

² Стоун (стон) – британская единица измерения массы, равная 17 фунтам или 6,35 кг.

– Статья?

– Сам-то я не ставил на Тиддли Пома – вот в чем дело. А он этой своей болтовней здорово сбил цену, и когда в пятницу я позвонил своему букмекеру, тот не давал мне больше ста к восьми. Но сегодня они сделали его фаворитом при восьми к одному, а до скачек еще целых три недели. Это верно, конечно, что Тиддли Пом хорошая лошадь, но он все же не Аркл. Мне, честно говоря, это было непонятно.

– Вам непонятно, почему Чехов так разрекламировал его?

Он помедлил с ответом.

– Хвалить хвали, но ведь всему же есть мера.

– Однако вы, наверное, надеетесь выиграть?

– Надеюсь. Конечно надеюсь. И потом, это самые крупные скачки, в которых нам доводилось участвовать. Я не уверен, что он победит, – вот в чем дело.

– Шансов у вас не меньше, чем у других, – сказал я. – Ведь надо же Чехову чем-то заполнить свою колонку! Читателям не угодишь вялой болтовней, им подавай определенность.

Он улыбнулся, не разжимая губ. Улыбка человека, не желающего вникать в проблемы других, даже когда речь идет о его сыновьях.

Дверь отворилась, и в комнату вошла крупная женщина в желтом цветастом платье. Она была без чулок. Опухшие лодыжки нависали над краями синих истрепанных туфель. Однако она была легка на ногу и двигалась медленно, поэтому ее поступь производила впечатление какого-то бестелесного перемещения в пространстве – фокус не из легких, если учесть, что весила она никак не меньше двенадцати стоунов.

Копна чудесных светло-каштановых волос аморфным облаком окутывала лицо, с которого на мир, словно в полусне, взирала пара мечтательных глаз. Лицо было округлым и мягким, лицо немолодой, но одновременно и незрелой женщины. «Выдуманный, нереальный мир, – неприязненно подумал я, – занимает ее куда больше, чем действительность».

– А я и не знала, что ты здесь, – сказала она.

Ронси привстал вслед за мной.

– Мэдж, это Джеймс Тайрон. Помнишь, я говорил, что он должен приехать.

– Разве? – Она перевела на меня отсутствующий взгляд. – Ну, не буду вам мешать.

– Где ты была? – спросил Ронси. – Ты что, не слышала, как я тебя звал?

– Звал? – Она покачала головой. – А я застлала кровати. – Она стояла посреди комнаты, задумчиво обводя взглядом весь этот бедлам.

– Что же ты камин не затопила?

Я невольно взглянул на кучу пепла за решеткой, однако для Мэдж это была не помеха. Из обшарпанного дубового ящика, стоявшего у каминной плиты, она извлекла горсть щепок и растопку. Слегка поковыряв кочергой в камине, водрузила все эти предметы на кучу золы, зажгла спичку, потом растопку и соорудила подобие шалашика из угля. Новый огонь мирно разгорался на останках старого, а Мэдж взяла метлу и замела несколько угольков с глаз долой, за поленницу.

Как замороженный я наблюдал за ее хозяйственными манипуляциями. Она подплыла к засохшему букету, открыла окно и выбросила цветы во двор. Потом выплеснула туда же воду из вазы, поставила ее на подоконник и захлопнула окно.

Из-за дивана, на котором сидели мы с Ронси, она вытащила огромную коробку из коричневого картона, до половины заполненную таким же хламом, что валялся вокруг. Методично передвигаясь по кругу, она подбирала все, что попадалось под руку, и швыряла в коробку. Операция заняла минуты три. Потом она затолкала коробку за диван и на пути к двери отшвырнула в сторону две подушки – сиденья от кресел. Прибранная, с ярко горящим огнем в камине, комната выглядела теперь совсем по-другому. Только паутина оставалась на прежнем месте,

но, кто знает, может, завтра наступит и ее черед... Питер был прав. Ма умела экономить время и энергию, не важно, что движущим мотивом была самая заурядная лень.

Ронси настоял, чтобы я остался к ланчу. Мальчики ели молча и сосредоточенно. Мэдж сидела, задумчиво вперив глаза в пространство, и созерцала сцены, проносившиеся, по-видимому, в ее воображении.

Когда я уже уходил, Пэт попросил подбросить его до Бишопс-Стортфорд и под хмурым взглядом отца с вызывающим видом расположился на переднем сиденье. Ронси крепко пожал мне руку, выразив надежду получить экземпляр с очерком. «Обязательно», – обещал я, зная, однако, крайнюю скудость «Тэлли». Придется посылать самому.

Ронси махнул на прощание рукой, строго предупредив Пэта, что ждет его назад с четырехчасовым автобусом. Не успели мы проехать через покосившиеся воротные столбы, как Пэт принялся изливать мне душу:

– Он обращается с нами как с младенцами! От ма толку нет, она никогда не слушает, что ей говорят...

– А почему бы тебе не уехать отсюда? – предложил я. – Тебе сколько? Девятнадцать?

– Исполнится в следующем месяце... Не могу я уехать, и он это знает. Ведь я мечтаю стать жокеем. Сразу в профессионалы не возьмут: меня мало кто знает. Кому охота сажать на свою лошадь неизвестно кого! Надо начинать любителем и делать себе имя, – это отец так говорит. А любителем мне не стать. Не хватает ни денег, ни времени.

– А конюхом поработать не хочешь?

– Помогите мне, очень вас прошу! Ведь по правилам нельзя одновременно и работать в конюшнях, и быть наездником-любителем, даже если ты секретарь, ассистент или что-то в этом роде. Это чертовски несправедливо! Только не говорите, что, работая там, я могу сразу получить лицензию профессионала. Теоретически – да. А сколько вы знаете ребят, которые смогли таким образом стать жокеями? Да никого! Абсолютно ни одного. Сами знаете.

Я кивнул.

– Сейчас я работаю с лошадьми, это правда. У нас их шесть, и приходится здорово вкалывать. Хотите верьте, хотите нет, но старик Джо – единственный работник на всей ферме, кроме нас. И дел у него по горло. Да разве я против самой работы! Даже если это почти бесплатно, как у нас. Я бы и слова не сказал, если б отец позволил мне участвовать в больших скачках. А он не разрешает, говорит, опыта у меня маловато, да и где ж мне набраться этого самого опыта, коли все вот так... Хватит, сыт по горло всей этой свистопляской, честно вам говорю...

Мрачные рассуждения продолжались на всем пути до Бишопс-Стортфорд.

Глава 4

Дознание по делу о смерти Берта Чехова проводилось в понедельник днем. Официальное заключение: несчастный случай. Ведь он был мертвецки пьян, как сказала одна из свидетельниц, машинистка. Мертвецки пьян...

А когда ударился об асфальт, превратился просто в мертвеца.

Когда во вторник утром я появился в редакции, Люк Джон и Дерри обсуждали, идти или не идти на похороны, которые должны были состояться в среду.

– «Кроксли»... – сказал Дерри. – Где это?

– «Уотфорд», – объяснил я. – По столичной линии. Прямоком без пересадки до Феррингтон-стрит.

– Флит-стрит нужна своя станция метро, – мрачно заметил Дерри. – Чтоб не тащиться до этой дурацкой Феррингтон-стрит. Это же добрых три четверти мили отсюда.

– Если так, то мы быстро управимся, – начальственно резюмировал Люк Джон. – Считаю, мы все должны присутствовать.

Дерри украдкой взглянул на миниатюрную карту метро, вклеенную в записную книжку.

– «Кроксли»... Следующая после «Уотфорда». Что же это за место?

В Уотфорде у меня когда-то была девушка. Вторая. Я мотался по столичной линии, а Элизабет жила под впечатлением моей сверхзанятости в «Блейз». Грех и предательство – столь хорошо знакомые мне попутчики. От Уотфорда до Вирджиния-Уотерс, оттуда – еще куда-нибудь...

– Тай, – отрывисто окликнул меня Люк Джон.

– Да?

– Похороны в два тридцать. За час, я думаю, доберемся.

– Я пас, – ответил я. – Должен заняться статьей для «Тэлли». Дня два еще уйдет на интервью.

Он пожал плечами:

– Я полагал...

– Ну и до какой отметки глубины ты успел добраться? – спросил Дерри. Он сидел, закинув ноги на стол. По вторникам в воскресной газете работы не было.

– До семейства Ронси. До Тиддли Пома.

Дерри фыркнул:

– А-а, предполагаемый фаворит...

– Собираешься на него ставить? – с интересом спросил я.

– Не думаю. Он выиграл несколько скачек, но до настоящего класса ему далеко.

– А Берт здорово его разрекламировал. Прямо-таки драматический призыв к публике не упускать своего шанса, пока есть возможность. Писал он в прошлый четверг. Видно, сразу после того, как в календаре напечатали список. А в газете заметка появилась в пятницу. Ронси показывал мне вырезку. Сказал, что Берт звонил ему сильно пьяный.

Люк Джон вздохнул.

– То-то и оно, – решительным тоном заметил Дерри. – Нет смысла ставить на лошадь, раз ее так перевозносит Берт.

– Почему?

– Все эти перспективные фавориты и победители Берта никогда не выходили на старт.

Люк Джон так напряг шею, что на ней, словно веревки, выступили крупные сухожилия, и крепко растер кадык.

– Э-э, безусловно, риск есть всегда...

– Ты что, серьезно? – спросил я Дерри.

– Конечно. Очень жаль твою статью в «Тэлли» и все такое прочее, – усмехнулся он, – но гарантирую: к моменту ее выхода в печать ты узнаешь, что Тиддли Пом не допущен к скачкам.

С растерянным видом он вертел в руках резинку, а Люк Джон молча перебирал какие-то бумаги на столе. По спине у меня поползли мурашки.

– Дерри, – наконец вымолвил я, – ты в этом уверен?

– О чем ты?

– Что Берт Чехов всегда рекламировал не выходящих на старт фаворитов.

Дерри пару раз щелкнул резинкой.

– Если уж быть окончательно точным – а именно этого ты, видимо, от меня и добиваешься, – то могу сообщить, что Берт рекламировал гораздо больший процент нестартеров, чем все остальные журналисты, вместе взятые. И придерживался этой тактики. Иначе говоря, занимался этим последовательно весь прошлый год. Он до небес превозносил какую-нибудь лошадь, всем советовал ставить на нее, а потом – бац! За день-другой до скачек ее вычеркивали из списков.

– Никогда не замечал! – отрубил Люк Джон.

Дерри пожал плечами:

– Таковы факты. Если хочешь знать, подобную ерунду устраивал еще Коннерсли из «Санди Хемисфер». У него была гадкая привычка хвалить лошадей, чья кличка начиналась на К, как и его фамилия. Мания величия, не иначе.

– Что ты нам голову морочишь? – сказал Люк Джон.

Дерри покачал головой:

– Не воображай, что я сижу здесь с закрытыми глазами. Я газеты читаю!

– Схожу-ка я, пожалуй, за своей машинкой, – неожиданно произнес я.

– А где она?

– В ремонте.

Машинка была готова. Я забрал ее и двинулся вниз по улице, к редакции Берта. В лифт и наверх, в его отдел. Через людный коридор к двери. Остановка у стола помощника спортивного редактора, завсегдага скачек и знакомого по бару парня.

– Тай! Что привело тебя в стан врага?

– Берт Чехов.

Мы поболтали немного о том о сем. Помощник явно что-то скрывал. Это было заметно по его уклончивому взгляду и скованной жестикуляции. Смерть Берта, сказал он, потрясла, глубоко огорчила его. Он добавил, что всем сотрудникам будет страшно не хватать Берта, газете тоже будет не хватать его, что все они воспринимают эту смерть как огромную потерю. Он лгал. Я не стал его разоблачать.

– А можно взглянуть на газетные вырезки с его статьями? Я хотел бы перечитать некоторые из них.

Помощник редактора любезно заметил, что мне, пожалуй, нечему учиться у Берта, но разрешил. Он занялся своими делами, а я отправился в угол, к полке с архивами, покопался там и нашел три коричневые картонные папки с материалами Берта.

Затем я извлек машинку из футляра и сунул ее в дальний неприметный уголок. Три папки отправились в футляр, хотя мне пришлось здорово прижать крышку, чтобы она закрылась, и я тихо и незаметно покинул здание вместе с краденым добром.

Люк Джон и Дерри вытаращили глаза:

– Где ты раздобыл это, скажи на милость? И на кой шут они тебе сдались?

– Дерри, – сказал я, – давай теперь попробуем доказать, что Берт всегда указывал на лошадей, не стартовавших в крупных скачках.

– Он рехнулся, – недоверчиво пробормотал Люк Джон.

– К сожалению, нет. И если я прав, то «Блейз» стоит на пороге получения той самой скандальной информации, которой привык пробавляться. На пороге тиражного бума. И все благодаря спортивному разделу.

Заинтересованность Люка Джона сразу подскочила с нуля до десятки.

– Тогда не теряй времени, Дерри. Раз Тай говорит «скандал», значит скандал!

Дерри пристально взглянул на меня:

– Трюфели ищут по запаху, а, Тай? – Он спустил ноги со стола и безропотно принялся за дело, сверяя прогнозы Берта с реальным положением вещей. На столе росла куча каталогов, и список постепенно удлинялся.

– Ну хватит, – заявил он наконец. – Вот оно, все так и есть. В папках – материалы за последние три года. Первые полтора года доля разрекламированных участников и неучастников скачек была приблизительно равной, как и у нас всех, бедолаг. Потом вдруг он целиком переключается на лошадей, которых обязательно снимают перед самым стартом. И все, заметьте себе, были записаны на большие скачки, когда ставки поступают по почте. – Дерри был явно в недоумении. – Вряд ли это просто совпадение. Я чувствую это. Но не вижу, в чем смысл.

– Тай? – спросил Люк Джон.

Я пожал плечами:

– Явное жульничество.

– Только не Берт! – Сама интонация в его голосе, казалось, отвергала такую возможность.

– Пойду отнесу все эти папки на место, пока не хватились, – сказал я и принялся записывать их в футляр.

– Тай! – Голос Люка Джона звучал раздраженно.

– Вернусь – поговорим.

В конторе Берта все было спокойно. Я возвратил папки и, забрав машинку, поблагодарил помощника редактора.

– Как, вы еще здесь? Я думал, вы уже ушли. – Он по-приятельски взмахнул рукой. – К вашим услугам в любое время...

– Ну ладно, – проворчал Люк Джон, когда я вернулся. – Все равно никогда не поверю, что Берт Чехов играл на руку мошенникам.

– Он продал свою душу, – прямо ответил я, – и меня предупреждал.

– Ерунда!

– Он продал свою колонку. Писал, что ему приказывали.

– Только не Берт! Он настоящий газетчик, старая школа.

Я внимательно посмотрел на Люка Джона. Острые глазки на худом хмуром лице глядели упрямо и вызывающе. Верность старому другу была непоколебима.

– Ну хорошо, – медленно произнес я. – Допустим, его вынудили силой... – Фраза помогла ослабить напряжение. Мортон никогда не станет заниматься скандальной историей, но доведет дело до конца, если приятель попал в жертвы.

– Умный, черт, – еле слышно пробормотал Дерри.

– Кто же его вынудил? – спросил Люк Джон.

– Не знаю. Пока не знаю. Может, удастся выяснить.

– И с какой целью?

– Ну, это уже проще. В системе предварительных ставок кто-то хотел играть наверняка. А задача Берта... Берта заставляли убеждать публику расставаться со своими денежками.

Оба они задумались. Я продолжал, пытаясь объяснить более подробно:

– Допустим, некий жулик прибирает к рукам букмекерские конторы. Сами знаете, как это бывает. – (Дерри усмехнулся.) – Допустим, некий жулик разработал ловкий способ полу-

чения нелегальных доходов, причем без всякого риска и затраты особых усилий. Используется этот способ только на крупных скачках, где действует система предварительных ставок. Ему нужны минимум недели три, чтобы набрать сумму, оправдывающую его затраты. Он выбирает подходящую лошадку и заставляет Берта расхваливать ее на полную катушку. Так или нет? Люди ставят на нее, а наш ловкач прибирает к рукам все до последнего цента! Он практически застрахован от потерь. Он знает, что их просто не может быть! Сам-то он не играет на эту лошадь... Он-то знает, что дня за четыре до соревнований, а то и меньше, лошадь выкидывают из списков. Очень славный способ.

Помолчав немного, Дерри спросил:

– Но как он узнает об этом?

– Это другой вопрос. Тоже придется выяснить.

– Все равно не верю, – скептически заметил Люк Джон. – Только на том основании, что Берт написал о нескольких не стартовавших...

Дерри указал на списки:

– Их слишком много было, этих лошадей. Слишком...

– Верно, – поддержал я его.

– Но нельзя же выстраивать целую теорию только на основе какой-то одной случайной обмолвки...

– Нет, конечно нет, – согласился я. – Должны быть доказательства. Безусловно, должны быть. Кстати, в ту пятницу, когда мы возвращались с ланча, Берт сам сказал мне. Он все хотел дать мне совет.

– Да, верно, – вспомнил Дерри. – Но так и не раскачался.

– Нет, сказал. Честное слово. И абсолютно серьезно. Он посоветовал мне не продавать душу, не продавать свою колонку.

– Быть не может! – воскликнул Люк Джон.

– Он сказал: «Сперва они покупают тебя, а потом шантажируют».

– Не может быть, – автоматически повторил Люк Джон.

– Он был ужасно пьян. Пьянее, чем всегда. Говорил, что это его последние слова. Потом вошел в лифт с бутылкой виски, двинулся через комнату, отхлебывая из горлышка, прямо к окну и выпал на улицу.

Люк Джон прижал веснушчатые пальцы к тонким губам и проговорил низким, сдавленным голосом:

– Нет... О боже!

Выйдя из «Блейз», я влез в фургон и отправился к скаковым конюшням в Беркшире – брать интервью у девушки, которая ухаживала за самым знаменитым фаворитом предстоящих скачек.

Чемпион по стипль-чезу по кличке Зигзаг завоевал огромную популярность и известность, однако в любой день на ослепительном небосводе его славы могли появиться тучки, так как первого января ему исполнялось одиннадцать лет. Я полагал, что именно в скачках на Золотой кубок великому старцу предстояло отвесить публике прощальный поклон, а потом его вытеснит плеяда новых, более молодых звезд.

Конюхом Зигзага была девушка, Сэнди Виллис, необыкновенно заботливая и преданная делу. Каждая фраза этого юного и простодушного существа была густо оснащена лихим жаргонном конюшен, которым она пользовалась безотчетно и который составлял трогательный контраст с присущим ей от природы невинным видом.

С гордостью собственника Сэнди демонстрировала мне Зигзага. Она помнила и рассказывала обо всех скачках, в которых он участвовал. Ходить за ним она начала с того самого дня, когда он голенастым и еще безвестным трехлеткой впервые переступил порог конюшен. Она

представить себе не могла, что станет делать, когда его отстранят от соревнований. Скачки без Зигзага – это уже совсем не то.

Я предложил прокатиться до Ньюбери и выпить по чашечке чая в кафе или отеле.

– Нет, спасибо, нет времени, – сказала она, – вечерняя смена приступает только в четыре.

Привалившись к двери у стойла своего любимца, она рассказывала о своей жизни, сначала застенчиво, потом взахлеб.

Родители ее не ладили. Вечные скандалы дома... Поэтому она смылась, как только окончила школу. И рада была смыться, ведь папаша – жуть до чего скупой, а мать только и знала, что орать и гавкать на него. Да и ей, и двум младшим сестренкам тоже доставалось на орехи. В общем, дохлое там было дело, не светило ничего. А еще она надеялась, что Зигзаг будет выступать в Кемптоне на второй день Рождества – удачный предлог, чтобы не ехать домой на каникулы. Она любит свою работу, любит Зигзага. Скачки вообще потрясающая штука, и, нет, она не торопится замуж, парней кругом полно, стоит только захотеть, но, честно сказать, она не такая дура, чтобы променять Зигзага на прорву занудных домашних хлопот. Особенно если жизнь пойдет как у ма и па...

Хихикая, она согласилась сфотографироваться, но только вместе с Зигзагом. Сказала, что надеется получить номер «Тэлли» на память.

– Непременно, – обещал я, твердо решив включить стоимость всех дарственных экземпляров в статью дополнительных расходов.

Наконец я распрощался с ней и, проходя по двору, лицом к лицу столкнулся с тренером, которого всякий раз непременно встречал на скачках. Это был делового вида мужчина лет за пятьдесят, взирающий на мир трезво и без иллюзий.

– Зайдите, Тай, – сказал он. – Виделись с Сэнди Виллис?

– Да-да, спасибо. Она мне очень помогла.

– Один из лучших моих «парней»! – Жестом он пригласил меня присесть и из серебряного чайника налил чаю цвета дубовой коры. – Сахар?

Я отрицательно помотал головой.

– На ипподроме ее лошади буквально готовы выпрыгнуть из шкуры.

– Она нашла удачное приложение материнским чувствам, – согласился я и отпил глоток. От горечи танина язык съезжился, точно обожженный листик. Нортон Фокс налил себе еще чашку и осушил ее в три приема.

– Надеюсь, если я распишу ее в «Тэлли», вы не подложите мне свинью и не снимете Зигзага со скачек в последнюю минуту?

– Не собираюсь.

– Двенадцать стоунов десять фунтов – предельный вес.

– Он выигрывал и когда весил на три фунта больше.

– Любопытно, кстати, что же случилось тогда с Кратким перед чемпионатом по скачкам с препятствиями?

Нортон раздраженно прищелкнул языком:

– Можете на меня положиться: Зигзаг не сойдет со старта в последнюю минуту. По крайней мере, беспричинно, как это вышло с Кратким.

– Он ведь был фаворитом, если мне не изменяет память? – Я-то точно знал, что был. Я тщательно выверил все детали по списку Дерри. – Что же все-таки произошло?

– Ну и разозлился же я тогда, прямо себя не помнил! – В его голосе живо звучала обида. – Тренировал эту лошадь до последней минуты. Сам выверял каждый шаг, каждый дюйм. Все было рассчитано на победу. И Краткий – в отличной форме. Был готов бежать не за страх, а за совесть! И что же? Мы заявили его за четыре дня, а потом вдруг его владелец – заметьте, собственный его владелец – взял да и позвонил Уэзербису дня через два и отменил заявку! Снял лошадь со скачек! Вот так... И главное, у него не хватило ума, а может, просто решимости

сообщить об этом мне, тренеру. Я узнал, что Краткий вычеркнут из списков, ночью, накануне скачек. Я, конечно, ушам своим не поверил и позвонил Уэзербису, а тот и говорит, что старик Дэмбли сам снял свою лошадь со скачек. До сих пор не пойму почему. Я тогда страшно с ним поскандальил, а он все твердил одно: решил не пускать ее на скачки, да и все тут. Так и не сказал, по какой такой причине. И все наши планы и работа полетели к чертям. Я до того разозлился, что велел ему забрать всех своих лошадей. Ну, судите сами, можно ли работать с человеком, который откальвает такие номера? Нельзя!

– А кто работает с ним сейчас? – сочувственно спросил я.

– Только имейте в виду, Тай, все это не должно появиться в вашей паршивой газетенке.

– Никогда, – заверил я его. – Может, мне придется писать статью о владельцах, распродавших своих лошадей.

– Ну ладно... вот, у меня тут записано. – Он выписал адрес из журнала и протянул мне листок. – Только без эксцессов.

– Можете не беспокоиться. – Эксцессы были в основном по части Люка Джона и лишь изредка – по моей. Разница состояла только в том, что я старался не вмешивать в скандальные истории своих знакомых. Для Люка Джона этой дилеммы не существовало.

Я вошел в гостиную. Миссис Вудворд и Элизабет смотрели по телевизору программу новостей. Миссис Вудворд украдкой взглянула на часы и отвернулась, неловко маскируя разочарование: до шести оставалось еще полминуты. Сверхурочные ей платили за каждые лишние полчаса, и тут она несколько пережимала по части пунктуальности. Нельзя было опоздать и на пять минут: пять минут шестого – и оплата взималась как за полчаса переработки. Я знал, что скарденность – не главная причина. Она рано овдовела, и ее сын-подросток собирался стать врачом. Насколько я понимал, именно Тайрону предстояло оплачивать его счета в колледже.

Эта необъявленная война велась по всем правилам хорошего тона и без излишних объяснений. Просто каждое утро я сверял настенные и наручные часы с сигналами времени по Би-би-си и, если опаздывал, платил с улыбкой. Миссис Вудворд была настроена куда благосклоннее, если я являлся в десять минут седьмого, а не без десяти шесть, однако сама по утрам приходила ровно в девять тридцать и ни минутой позже. Вся эта возня с часами тщательно скрывалась от Элизабет.

Миссис Вудворд была крепкой худощавой женщиной со слабым ланкаширским акцентом и сильным характером. Темные седеющие волосы, темно-карие глаза и решительно очерченный подбородок. Безупречно внимательная и ласковая с Элизабет, она никогда не выходила из себя, разве что работая с пылесосом, который время от времени извергал мусор на пол, вместо того чтобы всасывать его.

У нас в доме она носила белый нейлоновый халат, что, как ей казалось, автоматически повышало ее статус в глазах визитеров. На эту слабость я смотрел снисходительно. Она сняла халат, повесила его на крючок, и я подал ей темно-синее пальто, с которым она не расставалась вот уже четвертый год.

– Доброй ночи, мистер Тайрон. Доброй ночи, милая, – попрощалась она, а я, как всегда, поблагодарил ее и сказал, что буду рад видеть утром.

– Удачный день? – спросила Элизабет, когда я поцеловал ее в лоб. Голос звучал устало. «Спирашелл» ритмично толкал грудную клетку вниз и вверх, и она могла говорить только на выдохе.

– Встречался с одной девицей, – ответил я и, улыбаясь, рассказал ей о Сэнди Виллис и Зигзаге. Ей нравилось расспрашивать меня о работе, однако ее любопытство быстро угасало, и после долгих лет совместной жизни я научился точно угадывать этот момент по едва заметному расслаблению глазной мышцы. Она редко жаловалась, так как боялась выглядеть в моих глазах ворчуньей и нытиком и больше всего страшилась оказаться мне в тягость. Я никак не

мог убедить ее говорить прямо: «Хватит, я устала», хотя всякий раз она соглашалась с моими доводами.

– Пришлось повидаться с тремя людьми по поводу этой статейки в «Тэлли», – сказал я. – С владельцем, владельцем-тренером и девушкой-конюхом. Сяду писать сразу после ужина. А ты посмотришь телевизор, ладно?

– Конечно. – Она одарила меня очаровательной нежной улыбкой. Иногда я ловил ее на том, что улыбка эта носит вымученный, искусственный характер, но, как ни старался, не мог доказать, что меня не стоит обманывать, что я не отправлю ее в больницу, даже если наступит нервный срыв, что она вовсе не должна быть таким уж ангелом, что со мной она в безопасности, что она любима и действительно очень нужна мне.

– Хочешь выпить? – спросил я.

– С удовольствием.

Я разлил виски с малвернской водой и закрепил ее стаканчик в держателе, изогнутая соломинка для коктейля оказалась у самых ее губ. Так она могла пить самостоятельно и меньше проливать на простыни. Я с наслаждением глотнул бледного крепкого виски и опустился в глубокое кресло у ее постели, дневная бегодня и суэта отодвинулись куда-то, я чувствовал себя дома. Мерный мягкий стук насоса производил, как всегда, усыпляющее действие. Все наши гости по большей части засыпали под этот звук.

Мы посмотрели по телевизору какую-то сложную интеллектуальную игру в вопросы и ответы и почти на все ответили неправильно. Затем я отправился на кухню посмотреть, что там оставила на ужин миссис Вудворд. Камбала в сухарях, пакетик замороженных чипсов, один лимон. Печеные яблоки, дроблена. Чеддер, квадратные крекеры. Идеи миссис Вудворд относительно того, какой должна быть по-настоящему вкусная еда, основательно расходились с моими. Укротив бесплодные мечты о толстом бифштексе с кровью, я поджарил чипсы в растительном масле, а рыбу – в сливочном и, оставив мою порцию на медленном огне, пошел покормить Элизабет. Даже при новых приспособлениях с некоторыми блюдами существовали сложности: камбала крошилась, а рука быстро уставала, и дело кончалось обычно кормежкой с ложечки. Перемыв тарелки, я приготовил кофе, укрепил кружку Элизабет в держателе, а свою вместе с пишущей машинкой забрал в маленькую комнату, где могла бы быть детская, если б у нас были дети.

Статья для «Тэлли» продвигалась туго. Обещанный высокий гонорар, казалось, укорял меня за каждую нескладную фразу. Не колеблясь, отсекай лишнее, углубляй и сохраняй главное. Ронси, Сэнди Виллис, Хантерсоны... Гораздо проще разобрать их всех по косточкам. Это благоприятно отразится на распродаже журнала, но плохо – на моей совести; это нечестно по отношению к Хантерсонам, Ронси, Сэнди Виллис. Надо изложить все так, чтобы и жертва осталась довольна... Вот на что уходят силы и время.

Часа через два я поймал себя на том, что сижу, уставясь в потолок, и думаю только о Гейл. С мучительной ясностью я представлял каждое мгновение нашего свидания, отзвук страсти отдавался в каждой мышце и жилке. Бессмысленно притворяться, что все кончится одной этой встречей. Ненавидя себя за слабование, я старался представить, как это будет в следующее воскресенье. Гейл обнаженная, грациозное упругое тело. Гейл улыбается, а мои руки... Звонок резко зазвенел у меня над головой. Один звонок – не срочно. Я медленно поднялся, разбитый и пристыженный. Предаваться мечтам наяву, как Мэдж Ронси! Точь-в-точь... Только я, наверное, еще хуже.

Голос Элизабет звучал виновато.

– Прости, Тай, что отвлекаю тебя. У меня ужасно замерзли ноги.

Я вытащил из-под одеяла бутылку с водой, она совсем остыла. На ощупь ступни Элизабет казались теплыми, но это ничего не значит. Циркуляция крови была настолько замедлена, что лодыжки и ступни буквально ныли от холода, если их постоянно не согреть извне.

– Раньше не могла сказать? – проворчал я.

– Не хотела мешать.

– Ты должна была позвать меня в ту же секунду! – яростно воскликнул я. – В любой момент, как только понадобится. А еще лучше двадцать минут назад. – Двадцать минут она страдала от холода, а у меня не было другого дела, как вспоминать Гейл!

Я наполнил бутылку, и мы занялись вечерними процедурами. Растирание спиртом, умывание. Судно. Ее мышцы почти совсем истончились, сквозь кожу проступали кости, поэтому ноги следовало приподнимать с большой осторожностью – любое движение могло причинить боль. Сегодня миссис Вудворд покрыла лаком ногти на ногах, а не только на руках, как обычно.

– Нравится тебе? – спросила она. – Новый цвет. Коричнево-розовый.

– Очень, – кивнул я. – Тебе идет.

Она улыбнулась, довольная:

– Это Сью Дэвис мне купила. Она такая славная.

Сью и Роналд Дэвис жили через три дома, они были женаты всего полгода, и это до сих пор чувствовалось. Они были готовы излить избыток своего счастья на всех окружающих. Сью приносила разные мелочи, которые могли позабавить Элизабет, а Роналд использовал выкопанную в регби недюжинную силу и стаскивал вниз насос, когда мы выезжали на прогулку.

– Такой тон больше подходит к моей губной помаде, чем прежний.

– Это точно, – согласился я.

Когда мы поженились, кожа у нее была нежно-кремового оттенка, а волосы блестели на солнце, словно раковины молодых улиток. У нее были загорелые ноги и стройная фигура. Переход к нынешнему состоянию был для нее мучителен. В какой-то момент мне даже казалось, что она покончила бы с собой, но болезнь лишила ее даже этой возможности.

У нее сохранились тонко очерченные брови, хороший цвет лица и длинные ресницы, но коричневатые искорки в глазах погасли, а волосы казались мертвыми и лишенными какого-либо определенного оттенка. По счастью, миссис Вудворд оказалась настоящим мастером по части манипуляций с ножницами и шампунем, да и я постепенно научился аккуратно наносить губную помаду, что позволяло Элизабет хотя бы частично сохранить столь важное для женщины чувство уверенности в своей привлекательности.

Я все подготовил к ночи, убавил число оборотов дыхательного насоса, плотно подоткнул со всех сторон одеяло, чтобы уберечь ее от сквозняка. Спала она в том же полусидячем положении, в котором пребывала днем: «Спирашелл» был слишком тяжел и давил на грудь, да и воздуха в легкие попадало меньше, если лежать на спине.

Я поцеловал ее в щеку, она улыбнулась:

– Спокойной ночи, Тай.

– Спокойной ночи, милая.

– Спасибо за все.

– Не стоит.

Лениво и кое-как я навел порядок в квартире, почистил зубы, перечитал то, что написал для «Тэлли», и накинул на машинку чехол. Когда наконец я забрался в постель, Элизабет уже спала. Я долго лежал и думал о Берте Чехове, о стипль-чезе и о нестартовавшем Кратком, в деталях планируя статью для воскресного номера «Блейз».

Воскресенье... Мысли мои неуклонно и неумолимо возвращались к Гейл.

Глава 5

В среду утром я позвонил Чарлзу Дэмбли, бывшему владельцу Краткого. Мне ответил свежий девичий голосок, звонкий и беззаботный:

– Господи, вы говорите – Тайрон? Джеймс Тайрон? Да, мы читаем вашу ужасную газету! По крайней мере, мы ее получаем. По крайней мере, наш садовник получает, поэтому я часто читаю ее. Конечно, пожалуйста, приезжайте и поговорите с папой, он будет ужасно рад!

Папа рад не был. Он встречал меня на крыльце, небольшого роста мужчина лет под шестьдесят, седоусый, с тяжелыми мешками под глазами.

Его отличала каменно-любезная манера обращения к собеседнику.

– Очень сожалею, мистер Тайрон, но ваше путешествие оказалось напрасным. Моей дочери Аманде всего пятнадцать, и она склонна к необдуманным высказываниям...

– Она, наверное, передала вам, что я звонил. Вас не было дома и...

– Надеюсь, вы извините ее. Мне совершенно нечего сказать вам. Абсолютно нечего. Всего доброго, мистер Тайрон.

Веко у него подергивалось, а на лбу выступили капельки пота. Я медленно обвел взглядом фасад дома (подлинный георгианский стиль, не слишком громоздкий, тщательная, не бьющая в глаза отделка) и посмотрел прямо в глаза Дэмбли.

– Кому они угрожали? – спросил я. – Аманде?

Он моргнул и приоткрыл рот. Человек, имеющий пятнадцатилетнюю дочь, легко уязвим. Он хотел что-то сказать, но из горла вырвалось лишь нечленораздельное криканье. С трудом откашлявшись, он наконец выдавил:

– Не знаю, о чем вы говорите.

– Каким образом они это организовали? По телефону? Или письмом? Может, вы беседовали с ними лично?

По его лицу было видно, что я попал в точку, однако он молчал.

– Мистер Дэмбли, – сказал я, – ведь можно написать статью, как в последнюю минуту без всяких на то оснований вы сняли фаворита, и упомянуть там ваше имя и имя Аманды. Но я могу не называть никаких имен.

– Не называйте, – умоляюще проговорил он. – Не называйте.

– Хорошо, – согласился я. – Но только в том случае, если вы расскажете, чем они угрожали и в какой форме.

Его рот искривился от ужаса и отвращения. Да, этот человек испытал, что такое шантаж, испытал в полной мере.

– Но как можно довериться вам?

– Мне можно.

– А если я не скажу, вы назовете в статье мое имя, и они все равно подумают, что я проговорился... – Он запнулся.

– Совершенно верно, – мягко отозвался я.

– Я презираю вас.

– Не стоит. Просто я хочу помешать им вытворять и впредь такие штучки.

Пауза. Наконец он проговорил:

– Они пригрозили, что изнасилуют Аманду. Сказали, что я не смогу караулить ее все двадцать четыре часа в сутки до конца ее жизни. Единственное, что от меня требовалось, – это позвонить Уэзербису и снять Краткого со скачек, тогда она будет в безопасности. Что такое один телефонный звонок по сравнению... по сравнению с благополучием моей дочери?.. И я позвонил. Конечно же позвонил. Иначе было нельзя. Какое значение имело участие лошади в скачках по сравнению с безопасностью моей Аманды?

Действительно, какое...

– Вы сообщили в полицию?

Он отрицательно покачал головой:

– Они сказали...

Я кивнул. Они знают, что говорить в таких случаях.

– После этого я распродал всех лошадей: не было больше смысла держать их. Ведь в любой момент это могло повториться.

– Да.

Он вздохнул:

– Это все?

– Вы говорили с ними по телефону или лично?

– Не с ними, а с одним. Он приезжал сюда на автомобиле с шофером. В «роллс-ройсе».

Показался мне образованным человеком. Говорил с акцентом. Скандинавским или голландским – точно не знаю. Может быть, даже с греческим. Вполне воспитанный человек, если не вникать в смысл его слов.

– Как выглядел?

– Высокий... примерно вашего роста. Только значительно плотнее. Массивней, больше мускулов. И лицо не как у какого-нибудь там жулика. Я не мог поверить своим ушам: подобные речи не соответствовали его внешнему виду.

– Однако он убедил вас, – заметил я.

– Да. – Он пожал плечами. – Он стоял и слушал, как я звоню Уэзербису. А потом сказал: «Уверен, что вы приняли мудрое решение, мистер Дэмбли». Потом вышел из дома, и шофер его увез.

– И с тех пор вы ничего о нем не слышали?

– Ничего. А вы сдержите свое слово? Он сдержал...

Мой рот искривился в гримасе.

– Сдержу.

Он долго смотрел на меня.

– Если из-за вас Аманде причинят хоть какую-нибудь неприятность, будьте уверены, вы дорого заплатите за это... Дорого заплатите. – Он замолчал.

– Если случится, заплачу. – Пустые слова. Нанесенный ущерб исправить нельзя, и никакая плата тут не поможет. Надо быть предельно осторожным.

– Вот так, – сказал он, – вот таким образом.

Он повернулся на каблуках, вошел в дом, и дверь между нами захлопнулась решительно и бесповоротно.

На обратном пути я заехал в Хэмпстед поговорить с Колли Гиббонсом, одним из администраторов Хитбери-парк. Визит оказался не ко времени: его жена только что сбежала с каким-то американским полковником.

– Чертова кукла! Оставила мне вот эту кретинскую записку! – Он сунул мне в нос какую-то бумажку. – Прислонила к часам, как в каком-то дурацком кино!

– Простите, я, видно, не вовремя...

– Входите, входите. Выпьем по рюмочке.

– Мне еще до дома добираться.

– Возьмете такси. Тай, ну будьте другом! Давайте!

Я взглянул на часы: половина пятого. До дома ехать минут тридцать, если учесть плотность движения на дорогах в часы пик. Я переступил порог и по выражению его лица понял, как невыносимо было для него одиночество в этот вечер.

На столе стояла бутылка, рядом – до половины полный стакан, и он уже наливал мне виски.

– Чертов полковник! – с горечью произнес он. – Да к тому же еще в отставке!

Я рассмеялся. Он с недоумением посмотрел на меня и наконец тоже выдал кривую усмешку.

– Да, наверное, это смешно, – сказал он. – Странно, но мы с ним очень похожи. Внешность, возраст, характер – все. Он даже нравится мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.